

Глава 6 Звериный оскал капитализма

Замаскировавшись под мальчишку-посыльного, я лёгкой трусцой бежала по улицам Столицы. Маскировка, учитывая метаморфизм — пусть и слабый, но достаточный для временного изменения структуры кожи на лице и руках — а также скромные, легко скрываемые (тем более зимой) девичьи стати — никаких затруднений не вызвала.

Даже грим не понадобился!

Почему именно пешком и в таком облике? Ну а почему бы нет? Захотелось прогуляться и заодно посмотреть на контролируемые Синдикатом территории — вот и побежал «мальчишка» с посланием к Счетоводу, сейчас находящемуся на очередной инспекции одного из подшефных предприятий.

Что можно сказать? Особо большого количества прохожих мне не встретилось: в это время львиная доля местных занята работой, а праздные гуляки в подобные районы не заглядывают. Но и по тем мужчинам и женщинам, которые всё же попались на глаза, можно заключить, что обстановка стала... не радостной, отнюдь нет — но менее депрессивной. Хватает угрюмых, сосредоточенных или усталых лиц, но вот тех, чьи пустые взгляды выражают одну лишь безнадегу; людей, тоскливо осознающих полную беспросветность будущего и своё бессилие что-то изменить — таких мне всё же не встретилось. Да и явно погибающих от голода и болезней тоже не видно, что радует.

Конечно, тут отчасти виновата зима, которая из года в год ещё в своём начале вымаривает всех, кого безразличное плечо жизни задело слишком сильно, чтобы они успели встать на ноги перед холодами, но... В иных кварталах всё много печальней. Я видела, как оно бывает. Видела и помню, хотя порой хотела бы забыть.

Тем не менее, как бы ни стало лучше в зоне влияния Синдиката — здесь, в одном из контролируемых нашими силами промышленных кварталов, далеко не рай с дружелюбными праведниками, что доказали донёсшиеся до меня злые голоса.

Хм, посмотрим, что интересного в том шумном переулке.

Стоило приблизиться, и спор стал четче.

— Я тебе реку еще один раз, Фрид: я уплачу через неделю, — хмуро набычившись, цедил невысокий плечистый мужчина неопределённо-молодого возраста: лет от восемнадцати и до двадцати пяти. Судя по одежде и внешности, целью троицы вымогателей — или кредиторов? — выступал один из местных работяг.

— О, дорогой мой Ганс, я и не против! — глумливо улыбнулся один из его собеседников — сытых и наглых — очевидно, из околोकриминальной публики. — Но ты же помнишь?

— Помню что? — сжав кулаки, зло спросил тот.

— Что чем дольше задерживаешь выплату, тем больше проценты. Ты же знаешь, что такое проценты? За каждый день просрочки к долгу добавляется десять медных монет.

— Что?! Фрид, ты охренел? — лицо должника побагровело. — Я так никогда не смогу расплатиться! Вы меня просто грабите! Где это видано?! Я взял у вас всего десять серебряных, а не продал себя в рабство! Мы договорились, что я отдам одиннадцать! Одиннадцать, а не весь долг и ещё три белых каждый месяц! — задыхающемуся от избытка чувств человеку явно не хватало слов, чтобы выразить все обуявшие его эмоции.

«М-да, кое-кто перехвалил своих бандитов», — сидя на крыше одного из домов, поморщилась я.

Счетовод хвастал, что у них есть льготные кредиты для простых горожан, которых не обдирают по-жесткому, а наоборот — трудоустраивают неспособных расплатиться. Причём не на потогонную работу с «оплатой» в виде куска гнилого хлеба в сутки, а вполне приемлемую, с относительно нормальным столом, кровом и даже какими-то деньгами, остающимися после списания части долга. И что мы видим? Тех же самых коллекторов-беспредельщиков, что и раньше.

Ох и получит он у меня втык! Ох и получит!

— Нет, Ганс, это ты охренел не платить в срок, — с притворным дружелюбием улыбнулся лидер троицы. — Оговорили, что возьмёшь десятку аргов и отдашь через месяц одиннадцать? Оговорили! Отдал ты? Не отдал! А для неплательщиков у нас совсем другая математика, э-э, — строящий из себя интеллектуала бандит запнулся, — мате-матика то есть! Я понимаю, что ты туговат на голову, а теперь ещё и калека, но деньги вернуть все же нужно. Понимаешь меня, деревня?

Калека? Я удивлённо взглянула на должника. Руки на месте, ноги вроде бы тоже, хотя... стоит он как-то неловко, да и валяющаяся в углу палка больно уж напоминает отброшенную в сторону незамысловатую трость.

— Займи у кого-нибудь, — продолжал говорить выбиватель долгов. — Я слышал, тутошние бандиты одалживают мастеровщине с покрываемых ими фабрик. Или иди, торгуй телом по ночам. Вдруг кто позарится на твою волосатую деревенскую жопу? — парочка подпевал послушно заржали над грубоватой шуткой. — Мне все равно. Через декаду мы вернёмся. И к твоему долгу добавится ещё серебруха. Пожалуй, даже две. Не бить же нам с парнями ноги бесплатно?

— Умерь аппетит, жадоба! — зло выплюнул Ганс. — Я сам приду и сам всё верну. Но не с твоими бесовыми прохцентами!

— Раньше надо было возвращать, — безразлично ответили ему. — Хотя... есть и другой вариант! — сделав вид, будто его осенила гениальнейшая идея, воскликнул Фрид. — Давай мы с парнями заберём твоих драгоценных братика и сестренку? Научим их попрошайничать или воровать. Поработают на босса, и твой долг будет... уменьшен. Или лучше сдать их в дом услад? А что? Девочка почти вошла в пору. Да и на пацана найдутся охотники, особо если помыть и приодеть. По рукам?

— Не смей. Трогать. Их. — Ганс неловко шагнул вперёд и попытался схватить коллектора за грудки, но один из сообщников бандита ударил должника в правое бедро, и он с криком упал на землю.

Какая бы травма ни сделала молодого рабочего хромым, она все ещё оставалась очень болезненной. А представители кредитора меж тем не собирались останавливаться на одном ударе, намереваясь хорошенько проучить «лоха», вздумавшего брыкаться. Я совсем уже было собралась прекратить это безобразие, но целенаправленно приближающиеся к переулку грузные шаги нескольких пар ног заставили повременить с вмешательством.

— Кого я вижу! — радостно пробасил здоровенный двухметровый детина, чьи мускулы заметно перекатывались даже под зимней одеждой. — Фрид, дружище! Решился наконец?! — громила дружелюбно улыбался — словно волк ягнёнку, ага — и предвкушающе потирал лопатообразные ладони.

— Э-э, спокойней, Костоправ! Это чмо само на нас кинулось! Гадом буду! — Напарники недавно смелого бандита тоже забухтели что-то испуганно-оправдательное, словно кучка малолетних хулиганов, застигнутая исписанным шрамами и тюремными наколками хозяином дома, под дверями которого решили «смешно» оставить пахучую кучу экскрементов.

— Будешь, — кивнул лидер четвёрки новых действующих лиц. — Куда же ты денешься? Тебя предупреждали, что если станешь беспределить на нашей земле — поправим ваши кости?

«О, так значит, вымогатели — залётные, а вот эти бугаи — из Синдиката? — чуть более благодушно подумала я, отменив выволочку криминального миньона. — И чем их так, интересно, раскормили? — мелькнула вторая мысль насчёт новых действующих лиц, особенно главного — бандита, хех, бодибилдера, который — в отличие от плечистых, но толстых коллег — выделялся мощной фигурой с относительно стройной талией. — Неужели Счетовод раскрутил Пауля на стероиды?»

— Он не ваш! — ещё сильнее задёргался коллектор, понявший, чем для него пахнет сложившаяся ситуация. — Ганс, сука, скажи, что ты недавно здесь! Скажи или... ык-кхе!

Здоровяк на удивление стремительно, особенно для неударённого его комплекции, сделал шаг вперёд и, завершив текучее движение, коротко двинул Фриду под дых. Боксёр, однако.

— Завались, пока не спросят. Теперь ты, — бандит повернулся к кряхтящему работяге. — Зачем к нам приехал и сколько должен?

— Восемь монет, господин, — глядя исподлобья, ответил кое-как поднявшийся на ноги молодой рабочий. — Было десяток и ещё одна белая, но я три отдал. Здесь чтоб работать. Слесарь я. Люди гутарили, что у вас на каретной фабрике рукастые рабочие нужны. И что платят по-божески. И что даже комнатушку дать могут, если кто семейный аль с малыши. Хотел с местными мужиками поговорить — как оно на деле-то, не врёт молва? А тут эти ухари

караулят.

— Ясно, — здоровяк дружелюбно кивнул. — Рукастые нужны. У нас рады нормальным людям. И отношение хорошее — с осени не бастовали ни разу. Не потому, что не пускаем — сами не идут. Хотя приходили тут, «правдоборцы», чтоб их, соседней фабрикой купленные. Мол: «Давай пошумим, солидарность, общее движение, тыры-пыры-растопыры, а ваши авось ещё чего отсыплют, раз хорошие и щедрые такие». Шкуры продажные!

Амбал сплюнул — и зло растёр слюну по грязному льду.

— Чёт на соседних душегубных фабриках за солидарность не шумят, — продолжил он свою просветительскую речь. — А чуть появилось место, где к людям как к людям относятся, так в момент явились — не запылились, с-суки! Сразу надо говнищем измазать и разорить! И через кого? Через этих шакалов, что типа за простой народ выступают! У меня отец из заводских был и дядька сейчас работает. Я врать не стану. И сам я после шестнадцати несколько лет на заводе спину гнул. Знаю, как оно бывает. Знаю, отчего ты простым словам не веришь, — Костоправ приподнял шапку и в раздумьях почесал затылок.

Да ну, он ещё и блондин? В сочетании с правильными, волевыми чертами лица и могучей фигурой этому персонажу скорее место на плакатах, изображающих образцового имперца, а не посреди переулка в промзоне. В одном из заведений для состоятельных леди такой накачанный красавчик — я не очень-то разбираюсь в мужской красоте, но вроде женщины подобных любят — тоже не потеряется.

Хотя работать стриптизёром и жиголо он точно не пойдёт. Эмпатия и наблюдаемая манера поведения в один голос утверждали, что у данного блондинистого здоровяка совершенно не тот склад характера.

Но оставлять обладателя такой фактурной внешности, умеющего и любящего (иначе не распиался бы) так складно излагать свои мысли, на должности звеньёвого в патруле — это, бесспорно, нерациональное использование кадрового ресурса.

— Обычно оно как? — вернув шапку на место и прочистив горло, продолжил молодой мужчина, и не подозревающий о тех мыслях, что сейчас промелькнули у представительницы

высочайшего начальства. — Работать — так с утра до ночи! А как платить — нате в зубы талоны для заводской лавки. Или вообще шиш! Фондов нету! Что живот к спине липнет — это не их дело. А если выяснять пойдёшь, ещё и в рожу ткнуть норовят. Потом ты и виноватый ещё, что помял «учителей». Буйный, типа. Ни с того ни с сего напал, понимаешь! — мужчина зло скривился, что при его телосложении выглядело весьма угрожающе, даже если игнорировать обстановку. — Но у нас туточа теперь по-другому всё. По-честному. Как работал, так и заработал! Сдельная плата называется. И смены короткие, даже малые раньше дольше впахивали. У кого здоровье есть и денег хочется, можно полторы или сразу две брать! Ты не тушуйся, мы не бандиты или заводская охрана. Мы, почитай, дружина здешняя. Народная! — важно подчеркнул здоровяк и удивительно светло улыбнулся.

Способность ощущать чужие эмоции подсказывала, что говоривший верил в свои слова. Этот Костоправ испытывал настоящую гордость за свой труд по охране порядка в своём квартале.

Собеседник — или скорее невольный слушатель — ораторствующего лидера «дружинников» недоверчиво оглядел здоровяков, но вслух выразить сомнения не рискнул.

— Спасибо, добрый человек. Буду рад, ежели не шутишь и всё впрямь, как говоришь. Могу я ступать?

— Иди, — пожал могучими плечами Костоправ. — Хотя знаешь, друг, давай-ка мы тебя проводим, как с Фридом разберёмся. И что с ногой твоей? Эти отшибли?

— Да эта сука сама колченог... А-а-а!!! — под хруст сломанной кости заорал влезший в разговор коллектор. — А-а-а-а!

— Нормальным людям мы рады, а вот всякой гнуси — нет. И если по-людски она не понимает, то и учить будем по-гнусьи. — глядя на орущего Фрида, резко похолодевшим тоном сказал светловолосый детина. — Заткнись, паскуда. Иначе ещё и челюсть сворочу.

— А-а! М-м-м! — ответил ему прикусивший рукав коллектор.

Довольно кивнув на резко снизившийся уровень шума, Костоправ, повернувшись к троице подчинённых, продолжил: — Дайте этому мусору восемь аргов, хорошего подсрачника и пусть убираются. — И уже к хромому, то есть к тому, который и раньше был таковым, а не к новообразовавшемуся страдальцу:

— Так чего с ногой у тебя? Я до шестнадцати у лекаря в подмастерьях ходил. Вывихи ставил, да кости собирал, оттого и Костоправ, а не потому, что морды с удара ломаю. Не помогу, так присоветую. Не за деньги, от души.

«Ну и ну! — мысленно хмыкнула я, глядя на неожиданный финал разворачивающейся внизу драмы. — Редкий вид — добрый бандит. Хватай, а не то убежит, хе-хе. И пропагандист неплохой. Будто не сросшийся с криминалом крупный бизнес рекламирует, а кусочек невиданного в Империи социализма. Да, определённо стоит сказать Счетоводу, чтобы дал ему премию. О столь исключительных особях хомо бандитус нужно заботиться... И пристраивать их в более подходящие проявленным талантам места».

Впрочем, называя четвёрку патрулирующих улицы здоровяков бандитами, я выражалась не совсем верно. Нет, формально всё правильно: Костоправ и его подручные состоят в ОПГ «Синдикат» (скорее в одной из дочерних организаций). Хотя, полагаю, если бы не мы, с такими речами здоровяк рано или поздно прибился бы к революционерам. Но вот реально — они действительно выполняют скорее обязанности стражи. То есть следят за тем, чтобы в подотчётном районе не шалили залётные преступники и местные забияки, а также поддерживают порядок в целом.

Собственно, в утверждениях Костоправа о «народной дружине» как бы не больше истины, чем в моих. Между крупной, хорошо структурированной бандой и государством не так уж много различий, просто одни «взимают законные налоги», а другие «занимаются преступным крышеванием». Теория оседлого бандита это вроде называлось... на Земле.

И глядя с такого ракурса, одна некроманси, как истинная владелица всей этой неслабо разросшейся и успешно интегрировавшийся в имперскую экономику структуры, тоже не совсем магнат. Просто потому, что лично мне не особенно нужны всякие там замки, яхты, балы и прочая статусная накипь (или на что там ещё тратят золото другие миллионеры?), так же, как не нужны они и моим миньонам. Тем же, кто и не прочь присосаться к потокам золота, не даём этого сделать уже мы. Таким образом получается, что львиная доля прибыли не уходит вовне, а остаётся внутри предприятий, распределяясь в виде средств на модернизацию оборудования, улучшения зарплат, условий труда и инфраструктуры.

Вот и получается, что буржуа из меня такой же неправильный, как и бандиты из местных патрульных. Я бы даже сказала — подозрительно неправильный, похожий на борцов за народное благо больше, чем сами эти, хех, борцуны. Палач режима, массовая убийца и коррупционерка, угу. Даже как-то неудобно.

Однако юмор юмором, а совсем уж выставлять такое напоказ не стоит. Прямые взятки и завуалированные «подарки» полиции, государственной администрации различных уровней и прочей жадной властно-чиновничьей сволочи, конечно, замылили их взгляд достаточно, чтобы Империя не увидела в нашем небольшом образовании подрастающего конкурента. Но лозунгов и призывов перекрыть по нашему примеру всех остальных — не надо.

По крайней мере, пока.

Тем временем четвёрка бандитов, что на деле походила на правоохранителей больше, чем многие среди самих полицейских, вернули пострадавшему рабочему трость и, придерживая за плечо, повели вон из переулка. Посрамлённые и побитые коллекторы тоже двигались прочь, утаскивая под руки своего совершенно не обрадованного возвращённым долгом лидера. Всё же десять серебрушек — серьёзная сумма лишь для фабричного трудяги, никак не стоящая того, чтобы получать за неё переломы. Теперь любителю шантажировать должников угрозами родственникам придётся тратиться на лечение и долго восстанавливаться.

И поделом злобному крохобору!

* * *

Сухопарый мужчина в прямоугольных очках без диоптрий — госпожа исправила данный недостаток своего верного слуги, но он слишком привык к этому аксессуару, придающему внешней солидности — одетый в шикарный тёмно-фиолетовый костюм-тройку, сидел за директорским столом и лениво листал документацию. Вернее, так могло показаться со стороны; однако наблюдатель в лице директора каретной фабрики, скромно стоящего рядом со своим собственным столом, знал, что этот человек — вызывающий как страх, так и восхищение, что по каким-то своим причинам, вместо того чтобы посылать подчинённых, решил провести инспекцию лично — именно читал.

Да притом не просто пробежал взглядом, а запоминал, анализировал и сопоставлял с уже имеющейся у него информацией.

Собственно, нынешний директор как раз-таки и занял свой пост благодаря этой удивительной способности господина главного инспектора, который сходу выловил нестыковки в отчётах прошлого начальника фабрики. Куда делся глупец, вздумавший пытаться надуть таких страшных людей, нынешний глава старался не думать.

Ему больше нравилось размышлять о перспективах.

Когда в конце осени фабрика перешла в руки новых хозяев и на территорию пожаловала целая команда наблюдателей, что стали совать свой нос везде и всюду — как в бухгалтерию, так и под руку рабочим — никто не ожидал от этого ничего хорошего. После того, как начались увольнения, это ожидание неприятностей лишь усилилось, причём на всех уровнях. Ведь если уж начальников одного за другим на холод выкидывают, то чего ждать простому мастерскому? Но... людской состав финансовых и контролирующих отделов сократился почти вдвое, а вразнос в механизме предприятия ничего не пошло. Более того: означенные отделы (так же, как и подконтрольные им цеха производителей) стали работать лучше, а прибыль фабрики выросла.

Чудеса!

Однако после того, как инспекционная группа опубликовала отчёт, в голове новоиспечённого директора всё встало на свои места. Он и раньше понимал, что родственники, знакомые и дети знакомых бывшего хозяина фабрики или сколь-нибудь важного начальства отъедали заметную часть зарплатного фонда. Притом данные псевдоруководители — в лучшем случае! — ничего не делали, милостиво предоставляя возможность своим заместителям выполнять их обязанности, работая за двоих и получая в два раза меньше. Уж нынешний директор об этом знал лучше многих. На своей шкуре прочувствовал.

Но они ведь не только не работали, они вредили! Воровали, заключали заведомо невыгодные сделки ради откатов, покупали негодные комплектующие, урезали зарплатные фонды мастерской, которая и так получала в основном талоны для фабричной лавки с отвратными продуктами по высокой цене... Да чего только не делали! Открывшийся масштаб прямых и косвенных хищений поразил даже его — человека, годами крутившегося в этой системе! И как фабрика не разорилась в подобных условиях?

Впрочем, толком развиваться тоже не получалось: по словам старожил, как перешла фабрика наследнику прошлого хозяина, что в отличие от отца не слишком стремился вникать в дела, так всё и застыло в стабильной неподвижности болота, постепенно начинающего пованивать разложением. Ещё и образовавшийся в последние годы госконцерн давить начал.

В таком ракурсе разве странно, что, лишившись накопившейся массы захребетников, которые не только тянули средства, не делая ничего полезного, но и мешали — их компания воспряла?

Нет, на самом деле, будь новый владелец прекраснородушным одиночкой, такие изменения похоронили бы его вместе с предприятием. Многие из выкинутых начальничков являлись родственниками или знакомыми «полезных людей», которые обиделись на такое отношение к кровинкам. Но многочисленные проверки как начались, так и закончились, остановленные недовольным окликом сверху. Разорванные цепочки поставок комплектующих и сбыта готовой продукции — так вовсе оказались заранее распланированным шагом. На место старых партнёров пришли новые: те, что по большей части находились под рукой новых хозяев или плотно с ними сотрудничали. То есть контролировались не менее качественно, чем новое приобретение. Издержки, сниженные за счёт устранения посредников, вместе с эффектом масштаба* и отсутствием необходимости искать рынки сбыта — и инвестиции от новых хозяев, конечно — позволили не только начать расширение производства и подготовку к выпуску новой продукции, но и относительно безболезненно проводить странные эксперименты и заигрывания с рабочей массой.

/* — Если коротко и без нюансов, то чем масштабнее производство, тем ниже себестоимость продукции, что закономерно влияет на её конкурентоспособность и получаемую предприятием прибыль. Также сюда можно добавить эффект от централизации закупок, сбыта, управления и т.д./

О противоестественных опытах с чернью директор думать не слишком хотел. Зато размышлять о новом изобретении и перспективах одной из первых фабрик, коя начнёт его изготавливать — вернее, производить финальную сборку произведённых на других предприятиях деталей — ему нравилось.

Удивительный, одновременно простой и вместе с тем гениальный двухколёсный механизм позволял человеку передвигаться со скоростью рысящей лошади. При этом он не требовал ни стойла, ни овса, ни налоговых взносов за загрязнение столичных улиц! Учитывая относительно небольшую планируемую стоимость, а также компактность конструкции, которую вполне можно просто занести в квартиру, многие прогрессивные представители среднего класса предпочтут не ловить извозчиков, а передвигаться самостоятельно, на собственном «железном коне». Если это происходит не зимой, конечно. По снегу и льду двухколёсная новинка ездит не

очень хорошо.

Хотя если говорить о центральных, традиционно хорошо убираемых улицах...

Сам директор уже воспользовался служебными полномочиями и намотал несколько кругов на защищённой от снега территории фабрики. И впечатления мог изложить в двух словах.

Феноменальная вещица!

Кроме простых одноместных велосипедов для господ и дам — название образовано от корней слов мёртвого языка *velox* (быстрый) и *pede* (нога), что должно привлечь внимание падкой на древности публики — они станут производить и специальные, пассажирские. Эта трёхколёсная помесь велосипеда и конной коляски за счёт своей устойчивости вполне могла работать и летом, и зимой... и обещала владельцам транспортных компаний значительную экономию на лошадях, «конских налогах» и овсе.

Безусловно, полностью вытеснить конную тягу никак не получится: один мужик не сумеет тянуть многих пассажиров на своей лёгкой коляске. Это не говоря о том, что тяжёлые, комфортабельные кареты и без груза весят столько, что человек не вдруг сдвинет такую тяжесть. Но нижний и средний сегмент извоза — это рынок объёмом в тысячи... нет: скорее, десятки и сотни тысяч изделий в одной только Столице!

Интересное грядёт время!

Впрочем, совсем не думать об иных, уже не столь радующих сердце изменениях, которые приходится видеть, каждый раз возвращаясь на фабрику, у мужчины всё же не получалось. Новый директор, пусть являлся либералом и, кроме того, считал себя весьма прогрессивным человеком, однако на некоторые из нововведений не мог не смотреть косо.

Радикально снизить продолжительность рабочего дня — до смехотворных восьми часов! — и вместо одной, нормальной четырнадцати или шестнадцатичасовой смены вводить два обрубка. Зачем?! У них же не угольные забои, мужичьё и так не перенапрягается! Да ещё и сохранять

оплату труда (а кое-где и повышать)! Чтобы работники, разжившиеся живыми деньгами и свободным временем, вместо того, чтобы трудиться, бездельничали и пьянствовали?!

Нонсенс!

Нет, он видел, как с сокращением длительности смены эффективность отдельного человеко-часа становится выше: возрастает скорость работы, падает доля брака. Понимал, что, создав инфраструктуру, где рабочие самостоятельно тратят заработанное на еду и одежду, произведённую — или закупленную в массовом порядке — а также продающуюся в торговых точках зарождающейся финансово-промышленной империи, хозяева практически не выпускают деньги на сторону. Причём не раздражая людей талонами, не конвертируемыми нигде, кроме скудной фабричной лавки.

Он видел, что получившие свободное время мастеровые вместо того, чтобы естественным для низших сословий образом пьянствовать и создавать беспорядки, аккуратно направляемые людьми хозяев, стали заниматься общественно-полезной деятельностью, вроде возведения школ, где утром учились их дети, а вечером поднимали уровень знаний и сами взрослые, некоторые из которых проявили желание повысить квалификацию. С хозяйского же почина, обещавшего премии за хитрости, позволяющие облегчить и улучшить работу на фабрике или усовершенствовать выпускаемые изделия, мастеровые даже стали выдвигать предложения по оптимизации рабочего процесса. К огромному удивлению, эти косноязычные прожекты не всегда отдавали бредовыми фантазиями полуграмотных дураков. Некоторые действительно оказались полезны. Да и то, что вместо привычного глухого недовольного ропота и плохо скрытых хмурых взглядов работники фабрики стали приветствовать его искренними улыбками и пожеланиями здоровья — трудно не заметить.

Но... директор это видел, отчасти понимал, однако эмоционально не принимал.

Не мог.

Вчера они бастовали за медяк к оплате и сокращение штрафов, сегодня бездельничают по полдня, улыбаются и чуть не лезут обниматься, но завтра... Завтра они начнут требовать ещё! Бесплатную школу, больницу, столовую, дешёвую лавку с качественными товарами, комнатку в новом общежитии... Осыпать дарами тупых и грязных мастеровых — через одного бывших крестьян — это словно кормить пламя! Чем больше бросаешь дров, тем оно жарче и голоднее! И пусть у них теперь нет забастовок, радикально снизилось количество брака и ЧП на производстве, но... Так поддаваться животным хотелкам тёмных масс смердов вместо того,

чтобы, как это всегда было — окоротить их господской плетью (или дубинками подкупленных полицейских, это не столь важно) — означает разжигать в них чувство собственной силы и значимости.

И тем самым копать яму, в которую рано или поздно угодишь! Чернь на то и чернь, что её требуется держать в чёрном теле! Это смерды работают на высокородных дворян и достопочтенных буржуа, а не чистая публика трудится ради благополучия плебса!

Но своей волей вернуть привычные, старые порядки директор фабрики не мог. Оставалось лишь копить скрытое раздражение и наблюдать за переменами.

«Главный инспектор» прекрасно знал о мыслях главы проверяемой фабрики. Этого робкого подхалима, переминающегося с ноги на ногу перед пугающим и могущественным начальством — которому вот непременно, обязательно надо угодить — и в то же время ни в грош не ставящего нижестоящих, презирая их тем сильнее, чем дальше от него по социальной лестнице они находятся. Этого, а также многих других разного рода и уровня начальников многочисленных фабрик, заводов, логистических узлов и заведений сферы обслуживания, подчинённых их разбитой на несколько якобы независимых частей организации.

Знал, однако не обращал особенного внимания ни на них, ни на их недовольство и потаённые (но легко читаемые) мысли о том, как сделать «правильно».

Таково уж общество Империи, а может, и природа людей, что для обретения чувства собственной значимости те, кто ставит себя выше, старательно презирают нижестоящих. Особенно в этом усердствуют члены родов и семей, кои сами всего поколение или два назад выбились в более высокую страту. Будто пытаются кричать всем и каждому: «Смотрите! Смотрите! Мы — не они!». Жалкое зрелище, как говорит Госпожа. Однако пока мысли не воплощаются в действия, недовольные могут сколько угодно ворчать в своих уголках. Главное, чтобы не создавали шум и качественно выполняли свои обязанности.

Да и привыкают они. Со временем начнут свысока поглядывать уже на начальников и владельцев «правильных» предприятий, называя тех «ретроградами» и «не такими

прогрессивными, как они». Или перестанут занимать свои посты. А те, кто решит поддержать мысли делом или просто продается, может оказаться, вообще перестанут быть.

Станут уроком и напоминанием для остальных.

Сам Счетовод, не желающий привлечь лишнего внимания к своей персоне, слишком трудоспособной и одарённой — по большей части не природой, а Госпожой — а потому единый во многих личинах, отчасти соглашался с начальниками и хозяйчиками, мелкими и не очень. Но лишь отчасти.

С точки зрения одиночного владельца бизнеса, даже очень крупного, держать сотрудников нижнего звена в чёрном теле — выгодно и полезно. Но это если смотреть с кочки единоличного магната и не заглядывать в далёкую перспективу. Если же взглянуть на всю Империю или даже континент — что бесспорно сделала общавшаяся с ним на этот счёт госпожа Куроме — и рассматривать длительные промежутки времени, то становится кристально ясно, что они деградируют.

Не то чтобы Счетовод, являясь по своей природе расчётливым эгоистом, беспокоился о судьбе человечества. Поступи приказ — и он без какого-либо внутреннего сопротивления взялся бы за подготовку апокалипсиса. Но раз приказано то, что приказано, Сай уж постарается воплотить замыслы Госпожи наилучшим из возможных способов.

В данном разрезе, подходя к их торгово-промышленному объединению не только как к источнику дохода, но и как к своеобразному полю экспериментов, недополученная в краткосрочной перспективе прибыль уже не столь важна. Глобальный план имеет высший приоритет. Тем более, благодаря новым финансовым и не только вливаниям от истинной владелицы всего объединения, проблем с деньгами не наблюдалось. Даже когда повисли в воздухе важные — и потребовавшие громадных взяток — контракты с министерством обороны. Если говорить о «не только», то ценное и дефицитное алхимсырьё позволило начать понемногу, аккуратно, чтобы не вызвать жёсткой реакции со стороны давних игроков, откусывать и от фармацевтического рынка.

Впрочем, фармацевтика в большей мере расходилась по внутренним потребителям. Медпункты при различных заводах и фабриках, интересные травки и смеси для казино и борделей, средства, подстёгивающие скорость набора физической формы для рядовых бандитов и членов охранных структур, алхимические составы для воителей.

Да, тут есть куда развиваться даже без попыток втиснуться во внешние рынки.

Слежение за реакцией социума снаружи казалось бывшему всего лишь мафиозному бухгалтеру, а ныне второму человеку в громадной влиятельной организации — занятием не менее интересным и полезным, чем наблюдения изнутри. Составляя и систематизируя отчёты, Сай вспоминал о студенческой юности, когда он мечтал стать маститым экономистом. Пожалуй, за эти труды, если бы кто-то решил их доработать и опубликовать, данный некто вполне мог бы получить общее признание и докторскую степень...

Или пулю в затылок. В современной Империи с высунувшимися слишком сильно такое случается частенько.

Счетоводу же и без всяких публикаций приходилось трудно (но интересно): недовольные коллеги-магнаты, чьи рабочие путём общения со знакомыми и знакомыми знакомых получили наглядный пример того, что «может быть по-другому» — и, естественно, стали настойчиво тыкать этим примером в лицо вышестоящих — вместо того, чтобы бросить заволновавшейся мастеровщине кость, решили разобраться привычными методами. То есть с привлечением полиции, всё ещё пребывающей в состоянии повышенной готовности и весьма нервно реагирующей на такие слова, как «бунт» и «неповиновение».

А потом, когда бастующих частично арестовали, частично привели в чувство тумаками и заставили отрабатывать вред, нанесённый вызванным ими простоем, коллеги-конкуренты начали пытаться давить уже на «злокозненных смутьянов», устроивших в своих владениях демоны ведают что.

На днях арестовали директора и ряд руководящих сотрудников одного из металлопрокатных предприятий, коих обвинили в создании революционной ячейки прямо на территории завода. Доказательством послужили многочисленные запрещённые книги и листовки с призывами к свержению власти, обнаруженные полицейской группой, прибывшей «по анонимному вызову от обеспокоенных граждан». Особенно любопытно, что заводская «ячейка революционеров», судя по найденной литературе, состояла из нескольких партий, крайне плохо уживающихся между собой. Видимо, кто-то не захотел возиться и просто привёз на «обыск» все изъятые у настоящих смутьянов книги и листовки, что нашлись в отделе.

Разумеется, столь смешная попытка ужалить, а затем наполовину рейдерским путём отжать имущество конкурента, погрязшего в обрुшенных на него проблемах с законом и невыполненными обязательствами перед заказчиками, дорого обойдётся мстительным

прохиндеем. Ведь они очень сильно ошиблись в выборе цели. Достанется и излишне амбициозному и активному, но недалёкому майору полиции, и его считающим себя умными нанимателям, которые даже не потрудились выяснить, с кем решили связаться.

Существовал шанс, что некие вполне осведомлённые силы использовали ретивых дураков как инструмент для прощупывания почвы, предоставив им и «достоверную информацию», и, возможно, помощь в организации атаки. Счетовод полагал, что данная вероятность выше той, что предполагала приступ внезапной глупости. Однако в любом случае действовать подобными методами против тех, кто и сам на них собаку съел — не слишком дальновидно. Тем более раздражать того, кто имеет прямые выходы на высокопоставленных лиц министерства обороны, разведки и полиции. Да и представители государственного концерна промышленности, с которым утрясаются последние детали присоединения нового члена, тоже выразили... недоумение.

Хотя с этими как раз не всё так просто. Может статься, что именно они стояли за недавней атакой.

Формально данная структура, созданная с почина текущего правительства для поддержания представителей новой волны буржуа, что должно благоприятно сказаться на экономике, не имела особенной власти. То есть «силой денег» они вполне обладали, однако златом в Империи решалось далеко не всё. И как раз наработываемых столетиями связей, а также стоящей за спиной военной силы, что выражалась не в простых охранниках или, скажем, продажной полиции, а в подчинённых воителях или союзных организациях вроде боевых школ и храмов — у концерна не имелось.

Это если воспринимать данную структуру как отдельную единицу. Бюрократическую подсистему вне государственного аппарата.

На деле за ней стоял сам премьер-министр и некоторые иные входящие в имперскую верхушку деятели из его блока. Сам же концерн создан не ради улучшения всё так же хиреющей экономики, а для наращивания собственной власти Онеста и формирования противовеса высокотехнологичным монополистам из старых родов. Вследствие этого, влияние у данной — пусть хоть десять раз несамостоятельной — структуры более чем существенное. Что уж говорить, если, судя по донесениям агентов и полученным на их основе выводам аналитиков, госконцерн во многом ответственен за столь оперативную отправку Эсдес в далёкие земли Северного королевства?

Да и сами волнения местных элит и взбудораженной ими черни начались не в последнюю очередь с почина недавно (с точки зрения устоявшихся игроков) созданного коллективного промышленного гиганта.

Простая, но действенная двухходовка: мятежники захватывают шахты, карьеры и предприятия черновой переработки, принадлежащие одним лицам, а верные войска, освободив ценное имущество, передают его уже другим. Не напрямую, конечно, но мало ли «честных» схем? Всё-таки новичку, даже с поддержкой государства, чтобы нормально конкурировать с обладателями тщательно сберегаемых старых технологий, требуется урвать у давненько поделивших все концессии «старичков» хотя бы свою толику дешёвых ресурсов. Ведь холодные горы и равнины Северного королевства, помимо монстров и буйных северян, богаты целым рядом редких и ценных ресурсов, вроде присадок для различных сплавов или (ал)химических процессов.

Но эти дела пока что затрагивают Счетовода постольку-поскольку: пусть он и в курсе происходящего, то направление курируют другие люди.

Касаемо имеющихся проблем: так или иначе, скоро наглец будет разорён и поглощён, крупные игроки убедятся, что та часть владений Госпожи, которая подверглась нападению — устойчива, а «стоящие за ней дворяне» обладают достаточной решительностью. Представители же мелочёвки, и так старательно разобщаемые, убедятся в бесперспективности силового противостояния. После придёт и их черёд подчиниться. Затем склонится и госконцерн, и его противники-монополисты.

Преклонят колени — или будут уничтожены. Как сказал бы туповатый громила Прапор: «Во славу Тёмной Госпожи!».

Лицо Сая озарила слабая, но острая, как нож, улыбка.

К счастью для своего душевного здоровья, хозяин кабинета не заметил этой кратковременной перемены в мимике страшного гостя, иначе слабое не по годам сердце могло и подвести.

В дверь постучали. Счетовод на секунду оторвал взгляд от бумаг, чтобы увидеть, как местный начальник поспешил её открыть и поинтересоваться причиной, по которой их посмели

беспокоить, после чего вновь вернулся к сводкам.

— Посыльный? — донеслось до него. — Тогда чего заставляешь важных людей ждать?! Что он передал?! Быстро давай сюда!

— ... — что-то пробурчали из-за двери. Счетовод не прислушивался. Если что-то важное, то его люди сами войдут и доложат, не обращая внимания на директора фабрики, усердно создающего видимость бурной деятельности.

— Как это только в руки?! Кем себя вообразил этот жалкий оборванец?! — возмутились в ответ. — Заберите послание и выдайте ему «горячих»! Чтобы в следующий раз уважал...

— Пусть проходит, — произнёс Счетовод, принявшийся раскладывать бумаги на столе.

— ...Что? Э, да, конечно, тащите этого наглеца сюда!

— Проходит, — повторил Сай, холодно взглянув на директора, стёкла очков недобро блеснули.

— Я хотел сказать: проводите его сюда, — тут же исправился мужчина, украдкой вытирая резко выступившую на лбу испарину.

Счетовод на это не отреагировал, хотя в голове у него мелькнула мысль насчёт того, как повёл бы себя этот много о себе думающий средней руки администратор, если бы узнал, кого он приказал наградить тумачами, а потом притащить в кабинет.

Правильно говорит госпожа Куроме: вежливость с незнакомцами ничего не стоит — зато не только показывает говорящего как культурного человека, а не обриту обезьяну, но и порою помогает избежать ряда проблем с теми, кто является не тем, кем выглядит.

Выпровоженный из кабинета директор вместо того, чтобы переминаясь рядом с занятым Саем или раздражать его попытками показать свою угодливость, наконец-то отправился заниматься своими настоящими обязанностями. Вскоре после этого в дверь снова постучали. Получив разрешение войти, сопровождающий пропустил «посыльного» и, будучи отосланным, удалился.

— Доброго вечера, госпожа, — мужчина, не вставая с кресла, уважительно кивнул проскользнувшему через приоткрытую дверь и начавшему любопытно осматриваться «мальчишке».

Гость, впрочем, несмотря на приветствие, предпочёл его не заметить, сохраняя свой весьма аутентичный образ до тех пор, пока дверь не щёлкнула закрывшимся замком. Лишь тогда, распрямив спину, сфокусировав бегающий взгляд и согнав с лица выражение, кое пристало иметь в меру шкодливому подростку на побегушках, «мальчик» резко обрёл ауру уверенности, которая уже никак не позволяла спутать хозяйку древнего артефакта с простолюдинским недорослем.

Внутренне Сай всё ещё порывался встать и поклониться нормально. Но, зная непонятную неприязнь владычицы мёртвых к внешним проявлениям почтения, — успешно себя сдержал. Он всегда считал, что заместитель босса обязан подчёркнуто следовать установленным сверху правилам, и не важно, насколько они ему нравятся. Это вопрос уважения, а то, в свою очередь, является одним из столпов стабильности структуры. Что это за организация, где высшие руководители плюют на предписания главы?

Правильно. Та, где на предписания начальства плюют все, — прогнила и стремительно сползает к краху.

— И тебе привет, — отозвалась означенная глава, не забывая любопытно оглядывать кабинет.
— Много дел здесь осталось?

— Нет, я почти закончил. Желаете ознакомиться с бумагами?

— Не люблю копаться в бумажках больше необходимого, — отмахнулась Куроме. — Лучше ты мне, как разбирающийся в положении дел специалист, потом инфоблок сбросишь, и тогда уже

обсудим спорные или непонятные моменты. И насчёт положения дел у моих работодателей и их отношений с общим начальством тоже не забудь. Тебе же приходят отчёты от наших «друзей» в структурах?

Счетовод кивнул.

— А я тебе про интересного бандита расскажу, — продолжила девушка. — Не только лупит всякую незваную, устраивающую беспорядки сволочь, но ещё и рабочих агитирует. На удивление социально активный персонаж. Да ещё и с чувством справедливости. Думаю, этому Костоправу место не в патрульных, а в общественниках. Два метра роста, пудовые кулаки, неплохо подвешенный язык. Ещё и лицо честное, в меру симпатичное и волевое. В среде работяг такие популярны. Да и энергетика у него, как мне показалось, немного выделяется на общем фоне. Можно попробовать инициировать в Неофиты.

— Хорошо. Передайте мне образ, и я посмотрю на этого человека, — принял вводные любитель модных очков и костюмов. — И... вы точно собираетесь здесь говорить? Это займёт время, что может вызвать у свидетелей вопросы и ненужное любопытство.

— Нет. Сейчас «передам послание», переоденусь и пойду дожидаться твоей кареты в кофейне рядом с дорогой. Рабочий день ещё не кончился, так что, думаю, там найдётся свободный столик.

— Я вас понял, госпожа.

На этом они расстались. Куроме вновь чуть ссутулилась, поправила закрывающий шею и нижнюю часть лица неказистый шарф, напустила на себя вид активного, нагловатого мальчугана, после чего покинула кабинет. Счетовод, впрочем, тоже не слишком задержался: взял копии заинтересовавших его бумаг, оставил директору свои рекомендации, прошёлся по территории, заглянул внутрь части помещений и спустя три четверти часа отбыл на своей впечатляющих размеров бронированной карете.

Вскоре габаритное средство передвижения — Прапор, который иногда сопровождал Счетовода, просто не влезал в обычные кареты, вот они и заказали в числе прочих ещё и такую, — влекомое парой лошадей-гибридов, не замедляя ход, проехало мимо кофейни. Шень-ганфайтер,

на этот раз заменяющий туповатого гиганта на посту охранника — ныне не главы Синдиката, но «главного инспектора» — в надетом на него сейчас новеньком чёрном пальто, костюме и шляпе совершенно не похожий на свой обычный образ, получив мысленный сигнал от госпожи, взялся за ручку дверного замка. Когда их транспорт проезжал мимо глухой стены, телохранитель ненадолго приоткрыл дверцу. В проём тут же скользнула вышедшая из ускорения фигурка, что, захлопнув дверь, тут же уселась на широкое и мягкое, напоминающее дорогой диван сиденье.

На сей раз гостя предстала уже не в обличье посыльного, а загримировавшись под сына зажиточной семьи мещан или среднего достатка аристократов. Тёмные брюки и куртка с ярко блестящими хромированными молниями, замками и кнопками, а также лихо сдвинутая на затылок шапка — вполне подходящий образ для юного сорванца, воображающего себя хулиганом. С одной стороны, такого точно пустят в относительно приличное заведение, а с другой — равнодушные прохожие не станут выпрашивать, что «домашний мальчик» забыл в промзоне. Данные вещи могут являться как выходной одеждой юного мещанина, так и отпрыска кого-то из фабричного начальства или даже подрастающего аристократа, желающего поискать приключений на пятую точку.

Вся разница в том, что для последних этот комплект — вполне повседневный, один из многих, и потому не требующий сколь-либо аккуратного отношения.

— Привет, Шень, — пахнувший кофе и выпечкой «юноша» радостно поприветствовал молчаливого брюнета с отчётливо восточными чертами лица.

Ганфайтер в ответ изобразил лишь молчаливый кивок.

— Неплохой транспорт, — оглядевшись, заявила она, теперь обратившись к Счетоводу. — У меня на Коврике вагончик победнее. На нашей фабрике делали?

— Да. Но не на той, что вы сегодня посетили. Они не занимаются премиум-сегментом.

— Понятненько. А что скажешь насчёт той, где я была? Сможет она наладить производство велосипедов к весне? Я подумываю, когда вернусь в Столицу, приобрести несколько: для себя и в подарок другим. Может, даже Императору один подарю. Как тебе такая рекламная

кампания?

— Это существенно поможет популяризовать новый продукт, — кивнул Сай. — А вы, как я понимаю, собираетесь выступить как простой покупатель, привлечённый новинкой в магазинах?

— Угу. Или газетной рекламой. Ты уже подготовил инфopakет — или ещё поболтаем?

— Подготовил, — слабо кивнул мужчина, — сейчас передам.

Сконцентрировавшись, Счетовод отправил госпоже достаточно объёмный инфopakет. Пусть он и постарался ужать информацию, выделяя лишь важное, проблемное или (на его взгляд) интересное, однако даже из маленьких кусочков можно построить целую гору. У него, конечно, не гора, но организация и зона её интересов за недолгое время успели весьма и весьма разрастись.

Тут и южный торговый путь, с которого всё начиналось, и завязанный на него легальный столичный бизнес, вроде торговли разрешёнными, но нещадно облагаемыми дорожными пошлинами товарами, и полулегальные предприятия вроде борделей или бойцовых арен, и полностью нелегальные. Затем шёл конкретно криминал Столицы, который составлял значимую часть разведывательной сети. Вовремя залёгший на дно Синдикат — естественно, не забывший заплатить тем, кому нужно, чтобы они точно ничего не заметили — успешно ухватил новый кус этого пирога после последнего передела зон влияния и совпавшей с ним волны полицейских чисток.

Он уже делился с госпожой этими данными во время её временного заключения, однако снова пробежать по верхам и коснуться ранее упущенных или изменившихся моментов отнюдь не помешает.

Далее имелась обширная тема производственного сектора, сектора торговли произведённой продукцией и обслуживающего их — на самом деле, нелегальная часть тоже затронута — сектора финансов. То есть относительно небольшой, но имеющий достаточно филиалов в интересующих их точках банк сложно назвать полноценным направлением. Но ведь нужно как-то обозначать разделы? Здесь обладатель профильного образования не сдержался и вписал

чуть больше информации.

Кроме того, существовали перспективные развивающиеся направления, вроде фармацевтики и связанной с ней торговли с северо-востоком и югом (оттуда, помимо наркотиков, тоже поставляли кое-чего из фармсырья, и в последнее время поток растёт — по некоторым пунктам на сотни процентов). Или те, которые связаны с войной на Севере, коя не только обеспечивала отличный рынок сбыта для колючей проволоки и быстровозводимых укреплений и лекарств, но и позволила купить многое из того, что при иных условиях им бы не продали.

Не только ведь подопечным Онеста богатеть на данном предприятии?

А ещё удалось реализовать внутри Северного королевства очень остроумную аферу, которую госпожа метко назвала «финансовой пирамидой». По задумке, она не только принесёт огромную прибыль, но и рассорит северян с западниками, которые, наряду с агентурой госконцерна, участвовали в расшатывании тамошней обстановки, преследуя уже свои цели.

И это лишь основные направления со своими разделами и подразделами!

— Ты провёл удивительно масштабную и результативную работу, — через минуту молчания проговорила Куроме, вызвав у Счетовода прилив гордости. — Признаться, когда я навестила твоего бывшего босса, то и подумать не могла, что в рядах местечковой банды смогу найти столь талантливого и трудолюбивого человека. Не только поддерживать такую махину и оберегать её от разлада и развала, но и интегрировать всё так, чтобы оно стало эффективнее... я в восхищении!

— Вы меня перехваливаете, госпожа, — с плохо скрытым довольством отозвался тот. — Если бы не ваши дары, которые позволили не уставать и десятикратно увеличить скорость усваивания и обдумывания информации, я бы не осилил и малой толики поставленных вами грандиозных задач. И даже сейчас у нас, как вы убедились из моего послания, есть большой простор для оптимизации наших предприятий по вашему Балансовому методу, — с неподдельным уважением сказал мужчина. — Также присутствует ряд проблем, труднопреодолимых на данном этапе...

Внутренне он ещё раз подивился, как такой простой подход, подразумевающий увязывание

всех производств в единую цепочку и создание единых проектов, учитывающих все сильные и слабые стороны, не пришёл никому в голову раньше. С выгодой использовать всё, что имеешь, и иметь всё, что требуется. Гениально и просто! Пусть и не всегда в полной мере реализуемо. Хотя даже то, что приходится покупать, пользуясь указанным подходом, можно приобретать выгодно и через бартер. Главное — искать варианты.

И при этом госпожа хвалит его!

— Не стоит так на меня смотреть, — покачала головой Куроме, почувствовав направление мыслей приближённого. — Метод придуман давно и не мной. Повторять чужую мудрость легко, а вот воплощать её на практике... сложно. Да и простор для улучшений есть всегда. Судя по твоему аналитическому отделу и инспекционному отряду, на месте вы не стоите. Те проблемы, что есть, ты и твои люди, как я вижу, минимизируете. Вы молодцы, — закончила свою хвалебную речь некромантка, что пусть и высказалась во многом из желания оказать положительное подкрепляющее воздействие на слугу, которому не могла дать ничего большего, но душой при этом ничуть не покривила.

Кроме того, не заслуженные, похвалы быстро превращаются из лекарства — средства поощрения старательных подчинённых — в яд. То есть лезть, обесценивающую реальные заслуги и размывающую авторитет лстеца. И карать, и миловать только за дело... вроде бы простой принцип, но посмотрите, куда его нарушение привело современную Империю!

— Спасибо, госпожа. И говоря о пополнении нашей организации: я бы хотел, чтобы вы поучаствовали в отсеивании сомнительных личностей и отборе потенциально талантливых воителей.

— Хорошо. Таланты могу посмотреть завтра, перед визитом к Паулю. Хм... это даже можно совместить с проверкой кое-каких идей. Да, пожалуй, стоит организовать их для проверки, а потом сразу отправить на пробуждение. Хочу попробовать новый, более быстрый, дешёвый и эффективный метод.

А вот отсеивать лжецов... не в ближайшие дни. Это долго, а я ещё не знаю, что меня ждёт после предстоящего визита во Дворец к Сайкю, Будо и, возможно, Онесту с Императором. Тут, кстати, есть неплохое поле для работы наших информаторов. Главное, чтобы они и вы работали осторожно. Я не хочу, чтобы кто-то увязал их с иными отделениями нашей структуры.

Сай молча кивнул, достал платок и стал задумчиво протирать свои очки.

— Вы не уверены, что вас ждёт, но считаете, что вскоре отправитесь на миссию за пределами Столицы... — аккуратно произнёс он. — Полагаете, что вас захотят удалить от Императора?

— Или от Онеста, или от Будо, или иной вариант. Не думаю, что это произойдёт сразу или сколь-нибудь жёстко, но мне бы хотелось, чтобы наша агентура отслеживала возможные проблемы. В любом случае, через пару недель я и сама желаю отправиться на северную границу. Во-первых, пока что не хочу задерживаться при дворе. А во-вторых, у меня там имеются собственные планы. К тому же, судя по твоим данным, наши представители на севере Империи испытывают трудности из-за отсутствия связей и собственной силы. Верно? Вот. И потому им тоже не помешает помощь.

— Это так, — кивнул мужчина. — Хотя изначально мошенническое «Северо-западное Торговое Сообщество» на территориях северных племён развивается почти без затруднений, наши законные дела на севере самой Империи, напротив, встречают определённое противодействие. Некоторые ненадёжные партнёры пользуются административным ресурсом. Часто используются откровенно жульнические схемы с недействительной или неполной продажей собственности. Или сами представители государственных структур занимаются вымогательством и захватом. Наши люди с этим борются. Нестабильная обстановка помогает укоренению нового игрока, но... Вы и сами теперь знаете о затруднениях. Всё-таки там, в отличие от Столицы, у нас нет такого впечатляющего начального импульса, который создали ваши действия, добытая информация, связи и средства.

— Компромат от болтливых трупов, выболтанные ими выходы на нужных людей и отнятые у них же ресурсы. Ты ведь это хотел сказать? — хищно улыбнулась собеседница. — Мёртвые «предатели», взаимные подозрения живых, удары из «ниоткуда» и руководство врагами из-за кулис... Живые марионетки верят в свободу воли и весело танцуют под чужую музыку, хи-хи-хи. Весело! — на мгновение улыбка стала маниакальной, Саю показалось, что в глубине тёмно-серых глаз мелькнули фиолетовые искры.

— ...Кхм, да, это полезный и интересный опыт. С удовольствием повторю на бис, — пугающая улыбка быстро исчезла, а вместе с ней исчезли и то ли привидевшиеся, то ли реальные отблески жуткого света из глаз.

Счетовод внутренне поёжился.

Пускай со временем он всё больше склонялся к тому, что госпожа Куроме всё же не воплощение злой богини, а, возможно, реинкарнация древнего алхимика. Или даже просто очень-очень необычный человек, хозяйка мистического Императорского Орудия с не менее необычными источниками знаний. Да и цели у неё казались, на удивление для обладательницы подобных сил и познаний, благими. Но...

Именно в такие моменты у верного сподвижника Властительницы Мёртвых пробежал холодок по спине и он вспоминал, что они с Паулем могли на её счёт заблуждаться.

— Желаете обсудить наше продвижение внутри разведки? — смирив эмоции, спросил мужчина.

— Конечно, — кивнула брюнетка, немного раздосадованная своей эмоциональной вспышкой. — И не только в рядах родного ведомства. В конце концов, если я в Столице и пока не нахожусь под наблюдением — почему бы не придать дополнительный, хе-хе, импульс одному из направлений? У тебя ведь есть список перспективных целей?

Примечание к части

Пункт тапкоприёма открыт)

Автор и Куроме выражают признательность тем, кто поддерживает текст на Бусте или делает пожертвования на Тёмный Алтарь Печенек.

Я тут сейчас читаю Алчные Души за авторством товарища Ипатова. И, несмотря на то, что, на мой взгляд, он несколько затянул с вступлением, что отпугнуло часть читателей, данное произведение имеет незаслуженно малое число лайков. Если вам нравится неспешное тёмное фэнтези (тут без чернухи, просто мрачное), про сидов и прочих представителей мифологии альбиона, то можете вам сюда <https://author.today/work/117303>

А.Н. — бечено.

Вот за что люблю "Из Тьмы", так это (в том числе) за подобное внимание к деталям миростроя.
Респект и уважуха, однозначно!

<http://tl.rulate.ru/book/57083/5056679>